

ЛАБИЛЬНОСТЬ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: СЛУЧАЙНОСТЬ ИЛИ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ? LABILITY IN RUSSIAN: AN EXCEPTION OR A RULE?

А.Б. Летучий, РГГУ, Москва, alexander.letuchiy@gmail.com

В статье анализируются русские лабильные глаголы, то есть глаголы, имеющие и переходную, и непереходную модели управления. Показано, что хотя в русском языке такие глаголы редки, можно заметить некоторые закономерности в их семантике. Также изучаются механизмы возникновения лабильных глаголов.

Лабильными называются глаголы, имеющие и переходную, и непереходную модель управления: например, английский глагол *break* может означать и 'ломать' (переходная модель), и 'ломаться' (непереходная). Как правило, явление лабильности рассматривалось на примере языков, где оно сильно развито: прежде всего, английского и нахско-дагестанских, хотя есть и типологические исследования ([Haspelmath 1993], [Лютикова 2002]). В своём докладе я постараюсь показать, что анализ лабильных глаголов в русском языке также имеет смысл. Рассматриваться будут только такие глаголы, у которых переходное употребление по смыслу близко к каузативу от непереходного, например: *кружить* 'совершать круговые движения' (непереходное употребление) – 'заставлять совершать круговые движения' (переходное употребление).

Перечислим русские лабильные глаголы: *брызнуть, валить, варьировать, высыпать, гнать (гонять), погнать, двигать, играть (музыку) заклинать, капать, катить, кружить, лить, лопнуть, мчать, оттаять, плескаться, повернуть, свернуть, завернуть, вывернуть, отвернуть, прилкнуть, причалить, спустить (шину), сыпать, уйти, учить*.

Прежде всего, заметим, что лабильных глаголов в русском языке совсем не так мало, как может показаться: около 30 лексем. Ниже мы постараемся понять, можно ли говорить о **классе** русских лабильных глаголов или же нужно считать, что в русском языке лабильность случайна и должна считаться только особенностью отдельных лексем.

1. Семантические классы лабильных глаголов

Судя по всему, хотя бы для части глаголов лабильность нужно считать закономерностью. В русском языке лабильны многие глаголы движения, как можно заметить из приведённого списка. Приведу некоторые примеры (первыми приводятся непереходные употребления):

По дороге мчал серебристый автомобиль (1);

Поезд мчал нас в сторону Парижа (2).

Кленовый лист над переулком кружит (С. Матюшин) (3);

Кавалер кружит даму в танце (4).

Мы не дошли до горы и повернули назад (5);

Мы решили повернуть стол к стене (6).

Я сгонял за пивом (=сбежал) (7);

Мы сгоняли рабочего за пивом (=послали) (8).

Он побыл на войне три месяца да и двинул в тыл (К. Чапек) (9);

В конце концов гроссмейстер двинул пешку вперёд на два поля (10).

Преобладание глаголов движения релевантно и типологически. Правда, в английском языке заметить это сложно, поскольку лабильных глаголов очень много и принадлежат они к самым разным семантическим классам (например, разрушения – *break* 'ломать(ся)', *tear* 'рвать(ся)' и т.д., фазовых глаголов – *begin* 'начать(ся)', *finish* 'закончить(ся)', движения – *drop* 'падать, ронять' и др.). В нахско-дагестанских языках глаголы движения вообще бывают лабильны редко. Но во многих индоевропейских языках именно глаголы движения составляют существенную группу лабильных лексем: например, в древнегреческом (*ballo* 'бросать(ся)', *baino* 'идти/вести', во французском (*descendre* 'спускаться(ся)', *sortir* 'выходить, вынимать') и в польском.

Как кажется, это объясняется особенностями глаголов движения, отличающими их от деструктивных. Правда, на материале английского языка эти две группы глаголов объединяются под названием *move and change verbs*. Это доказывает полезность изучения лабильности в языках, где она непродуктивна: это даёт возможность более чётко проследить тенденции в поведении групп глаголов.

Глаголы разрушения соответствуют характеристикам прототипически переходных глаголов, сформулированным в [Norreg, Thompson 1980]: в частности, они обозначают моментальные действия (*разбить* не может быть процессом), пациенс затронут действием полностью, агенс оказывает на него физическое воздействие. Субъект и объект резко противопоставлены: первый агентивен, второй подвергается необратимым изменениям¹ (о характеристиках прототипических агенса и пациенса см. в [Dowty 1991]).

¹ Впрочем, существуют и примеры типа *Ветер разбил окно*, где субъект неагентивен. Таким образом, для деструктивных глаголов даже важнее свойства пациенса.

Напротив, переходные глаголы движения имеют похожие по свойствам субъект и объект:

1) Пациенс не является прототипическим, согласно критериям [Dowty 1990] – его свойства не подвергаются существенным изменениям.

2) Способ каузации агенсом движения пациенса отличается от прототипического: часто это ассоциативная каузация, то есть каузатор и каузируемый совершают одни и те же действия [Недялков, Сильницкий 1969], либо, по крайней мере, и агенс, и пациенс движутся. Заметим, что почти все лабильные глаголы движения имеют группы употреблений, где каузация принадлежит именно к этому типу (*Он домчал нас до станции, Кавалер кружит даму в танце*).

Однако даже более важно другое: субъекты обоих употреблений неpatientивны. Так, у глагола *катить* объект довольно близок к прототипическому пациенсу. Однако субъект непереходного употребления находится ближе к агенсу, чем к пациенсу (ср. возможное *По улице катит шикарный лимузин* и невозможное **По полю катит мяч*). В этом аспекте данные глаголы близки к рефлексивам: ср. пару *мыть* – *мыться*, где и первый – переходный, и второй – непереходный рефлексивный – глаголы имеют агентивного субъекта. Напротив, в парах типа *рвать* – *рваться* субъект второго употребления patientивен. Так что основной причиной лабильности следует всё же признать близость свойств субъектов переходного и непереходного употребления лексемы.

Агентивность непереходного употребления различна. Глагол *вернуть* предполагает агентивного субъекта в обоих употреблениях (примеры типа *машина повернула направо* фактически тоже имеют субъект-агенс, поскольку машиной управляет человек). Напротив, *кружить* в примере (3) имеет неагентивный субъект. Можно сказать, что глаголы движения лабильны из-за небольшого различия между субъектами двух употреблений, но это различие всё равно варьирует в некоторых рамках. В любом случае оно не так велико, как между прототипическими агенсом и пациенсом.

Таким образом, одна из групп лабильных глаголов в русском языке явно преобладает над другими и её лабильность не случайна. Помимо глаголов движения, существует, по крайней мере, ещё одна такая группа – в неё входят глаголы *брызгать*, *капать*, *плескаться*, *лить* и *сыпать*:

Байдарка накренилась, и через борт плеснула вода (11);

Я плеснул на стол три капли воды (12).

Из трубы брызнула вода (13);

Брызни мне на руки немного воды (14).

Я капнул немного лекарства в стакан (15);

Мне на голову капнула капелька дождя (16).

Из трубы льёт вода (17);

Не лей воду на пол! (18).

С неба сыплет мелкий снег (19);

Мы сыплем в тесто немного сахара (20).

По сути, и эти глаголы связаны с движением, но, в отличие от первой группы, обозначают ситуацию, в которой перемещается прототипический пациенс. Агенс не движется вместе с ним, а физически воздействует на него, заставляя перемещаться.

Таким образом, основные группы русских лабильных глаголов выражают идею движения. Однако это правило не абсолютно: см. такие глаголы, как *играть* или *варьировать*:

На улице играет музыка (21);

Оркестр играет туш (22).

Результаты варьируют от 2 до 7 процентов (23);

Необходимо варьировать нагрузки (24).

Лабильность этих глаголов сложно объяснить через их семантику (впрочем, заметим, что болгарский глагол *свиря* ‘играть музыку’ проявляет такую же вариативность, как русский глагол *играть*). Она нуждается в дополнительном изучении. Глагол *оттаять* изначально является непереходным, а переходное употребление возникает у него позже (см. часть 3).

2. Асимметрия между употреблениями глаголов

Несмотря на то, что у лабильных глаголов есть по два употребления, часто оказывается, что они неравноправны, в частности, одно из них встречается нечасто или они разграничены по стилям. Особенно это характерно для первой группы глаголов.

У глаголов движения *гонять* и *двигать/двинуть* непереходное употребление явно относится к разговорному языку. При этом у первого глагола переходное употребление также встречается в разговорных устных текстах: ср. *Меня начальник целый день туда-сюда гоняет*. Напротив, употребления типа *двинуть пешку* чисто литературны. В разговорном языке глагол *двинуть* употребляется в другом значении – ‘ударить’.

Для глагола *примкнуть* главным является непереходное употребление (*Он примкнул к правящей партии*). Переходное употребление (*примкнуть штык*) относится к профессиональному военному языку. Интересно, что исторически, по-видимому, первично именно оно: ср. переходные глаголы, однокоренные с *примкнуть*: *сомкнуть*, *разомкнуть*, *отомкнуть*.

Употребления остальных глаголов движения не распределены по стилям, но в любом случае вторично часто непереходное употребление: например, для глаголов с корнем *-верн-* (*свернуть*, *вернуть*) только такое решение согласуется с тем, что глагол *вернуть* – переходный.

С другой стороны, для глагола *капать* первично, по-видимому, непереходное употребление: об этом, в частности, свидетельствует отсутствие возвратной формы от

переходного употребления **капаться* (ср. *сыпаться, литься*).

3. Норма и окказионализмы в употреблении лабильных глаголов

Поскольку одно из употреблений лабильного глагола часто стилистически маркировано или редко встречается, следует отграничить модели, входящие в норму, от чисто разговорных и окказиональных. В частности, в работе [Сай 2004] рассматривались окказионализмы типа:

Надо Серёжу вначале поужинать (=накормить ужином) (25);

Как кажется, степень нормативности лабильного глагола определяется, во-первых, частотой данного употребления, а во-вторых, тем, как его воспринимают носители языка (см. в работе [Розина 2006] о маркерах восприятия слова как сленгового, например, кавычках). Для примера можно взять глаголы *уйти* и *оттаять*:

Я ушёл с работы (26);

Его «ушли» с работы (=уволили) (27);

Это не он ушёл, а его ушли (28);

Мясо уже оттаивает (29);

Мясо нужно оттаивать при комнатной температуре (=размораживать) (30).

Оба глагола изначально являются непереходными, а в современном языке приобрели переходные употребления, причём очень продуктивные. Однако переходная модель глагола *уйти* явно воспринимается как ненормативная, в каком-то смысле окказиональная (хотя и часто используемая). В примерах типа (27) глагол *уйти* часто сопровождается кавычками, кроме того, во многих случаях переходное употребление получает поддержку в виде непереходного (см. (28)). Нужно сказать, что переходное употребление часто встречается не в разговорном языке, а в прессе – в языке журналистов, сознательно использующих языковые игры.

Глагол *оттаивать* в разговорном языке стал лабильным глаголом в полном смысле слова: переходное употребление не берётся в кавычки и не требует никакой поддержки. Впрочем, ещё в словаре [Даль 1998] отмечается, что «*говорят иногда оттаять что, растопить, расплавить замерзшее, распустить в тепле*». Интересным образом, то же самое говорится и о глаголе *таять*: «*иные говорят таять что, топить, плавить, распускать в тепле, но едва ли это правильно*». Переходное употребление второго глагола не прижилось в современном разговорном языке.

Прочие глаголы типа *поужинать* в (25) чисто окказиональны – они не только осознаются как ненормативные, но и употребляются крайне редко, в случае, когда говорящий не может выразить свою мысль иначе, либо в случае языковой игры.

Как мы видим, окказиональная и неокказиональная лабильность распределена по семантическим классам: как правило, глаголы со

значением перемещения могут быть лабильны неокказионально (хотя есть и исключения типа *уйти*), другие же глаголы (*поужинать, уснуть (уснуть ребёнка ‘уложить ребёнка спать’)* и т.д.) обычно имеют переходное употребление только окказионально.

4. Как возникает лабильность?

4.1. Переосмысление опущения объекта

Итак, при лабильности одно из употреблений часто исторически первично. Как же возникает второе употребление? Почему оказывается, что одна и та же форма может выступать в двух моделях? Для примера мы рассмотрим глаголы *гнать* и *гонять* и *спустить*.

Глагол *гнать* в исходном значении так описывается в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [Ожегов, Шведова 1992]: «*понуждать к быстрому бегу, движению; ускорять движение кого-чего-нибудь*» и «*заставлять двигаться в каком-нибудь направлении*» (ср. *гнать лошадь* и *гнать облака*, соответственно). В частности, в значении каузации целенаправленного движения глагол употребляется с названиями транспортных средств: *он гнал машину на предельной скорости; А время гонит лошадей* (А.С. Пушкин).

В непереходном употреблении глагол может обозначать любой тип движения, в том числе и быструю езду (*Он гнал что есть силы, чтобы успеть на вокзал*). По-видимому, первоначально глагол стал употребляться непереходно путём опущения названия транспортного средства, а затем его значение обобщилось на все способы движения (*Куда ты так гонишь ‘бежишь’*). Возможно, до опущения транспортного средства оно сменило свою синтаксическую роль с прямого объекта (*гнать машину*) на инструмент (*гнать на машине*).

Хотя непереходное употребление этого глагола разговорно, ему можно найти параллели в других языках, в частности, в английском и немецком. Английский глагол *drive* также имеет все три употребления – ‘гнать, вести’ (*He drives a car*), ‘ехать на чём-либо’ (*We drove in a car*) и ‘двигаться’ (*The car drove around the corner*). Впрочем, последнее звено в изменении модели управления у глагола *drive* (как и у немецкого *fahren* ‘ехать, везти’) отсутствует: они не могут значить ‘быстро передвигаться’ (не о виде транспорта).

Особенно интересна лабильность глагола *спустить*. В своём основном значении – ‘переместить сверху вниз’ ([Ожегов, Шведова 1992]) он употребляется только как переходный и имеет пару *спуститься*. Лабильность возникает в переносном значении – ‘выпустить (о жидкости, газе)’:

*У меня спустила шина (31);
Шина спустила воздух (32);
Хулиганы спустили мне все шины (33).*

Первично, конечно, переходное употребление – ср. однокоренные переходные глаголы *пустить, выпустить, отпустить, упустить*. Возможны конструкции (32) с субъектом-вместителем и (33) с субъектом-агентом. Затем в конструкции (32) объект опускается и образуется непереходная модель (31). В результате (31) и (33) соотносятся так же, как в примерах (1) и (2): семантически переходное употребление является каузативом от непереходного. Но исторически они связаны только косвенно, через промежуточную модель с опущением объекта. При опущении субъект переосмысливается как пациент: в конструкции типа *Шина спустила воздух* шина является вместилищем, а в *Шина спустила* – скорее пациентом (речь идёт не об изменении содержимого шины, а о существенном изменении её состояния, ср. *Шина лопнула*).

При опросе носителей языка обнаруживаются расхождения в оценке правильности моделей. Так, некоторые информанты считают неправильным (31), предлагая вместо него (34):

У меня шину спустило (34).

Эта конструкция, производная от (33), является безличной (ср. аналогичные пары *Преступник убил её кирпичом – Её убило кирпичом*). С другой стороны, (32) образуется от (33) метонимическим переносом со сменой субъекта (ср. случаи, рассматриваемые в [Падучева 2004], типа *Я залил пол водой – Вода залила пол*).

Кроме того, иногда носители оценивают как правильную конструкцию (35):

Из шины начал спускаться воздух (35),

где субъектом уже является не агент и не вместилище, а перемещающееся вещество.

Такая подвижность модели управления глагола *спустить* возможна потому, что один из его актантав – вещество – практически никогда не меняется (как правило, это воздух). Это позволяет вообще не выражать его в предложении, а опущение актанта допускает переинтерпретацию выраженных участников. Напротив, в значении ‘перемещать вниз’ все актантав являются переменными и должны быть выражены.

Как мы видели на примере глаголов *спустить* и *гнать/гонять*, лабильность часто возникает из опущения прямого объекта: он становится неважен, например, потому, что в данной ситуации фиксирован. Другая важная особенность этих глаголов – наличие, помимо агенса и пациента, ещё одного участника (транспортного средства у *гнать*, вместилища у *спустить*), роль которого может осмысливаться по-разному.

4.2. Переосмысление опущения субъекта

Другая группа глаголов становится лабильной следующим путём: сначала происходит опущение

субъекта предложения (а не объекта, как у предыдущей группы), а затем оставшийся прямой объект переосмысливается как субъект. Сюда относятся глаголы типа *ловить, брать* (сеть, о телефоне), *грузить* (сайт в Интернете, о компьютере):

У меня телефон не ловит сеть (36);

Здесь ни одна сеть не ловит (37).

Старые телефоны не берут сеть (38);

Тут МТС не берёт (39).

Компьютер не грузит страницу (40);

Ни одна страница не грузит (41).

В примере (37) словосочетание *ни одна сеть* явно стоит именно в именительном падеже и является подлежащим.

В исходных значениях глаголы переходны, после этого образуется переносное употребление с возможностью опущения механизма (телефона, компьютера). Затем субъектом конструкции становится пациент. Ясно, что исходно *сеть, страница* и т.д. – прямые объекты, а не субъекты, ср., в частности, возвратные дериваты:

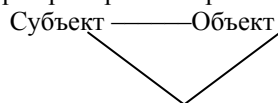
Ни одна страница не грузится;

Ни одна сеть не ловится.

Все непереходные употребления данных глаголов окказиональны. Однако интересно, что при наличии в русском языке возвратного маркера в непереходной конструкции используется и исходная форма (*ловить*). По-видимому, это связано именно с тем, что развитие непереходного употребления шло с помощью переосмысления прямого объекта как субъекта, а не прямо с помощью перехода от переходной конструкции к непереходной, как это бывает при добавлении возвратного маркера.

Заключение

Итак, мы попытались показать, что хотя в русском языке немного лабильных глаголов, их возникновение не полностью случайно. Как правило, эти глаголы обозначают движение. Вероятно, возникновение у таких глаголов лабильности связано с тем, что их актантав близки по своим свойствам. С одной стороны, у переходного употребления ни один из актантав не является прототипическим пациентом и оба они перемещаются (в отличие от глаголов типа *ломать*, где изменению состояния подвержен только один актантав). С другой стороны, из этого следует, что непереходные употребления (*Машина мчит по дороге*) и переходные (*Поезд мчал нас по Сибири*) имеют близких по свойствам субъектов – в данной паре примеров это транспортные средства.

Субъект непереходного глагола

Также выяснилось, что лабильность может возникать различными путями. С одной стороны, она может быть результатом опущения объекта и

переосмысления субъекта как пациенса (4.1), с другой стороны, переосмыслиться может объект при опущении субъекта (4.2).

Изучение русских лабильных глаголов свидетельствует о том, что лабильность является не чисто грамматическим явлением – она сильно ограничена лексическими свойствами глагола. В частности, это связано с её конкуренцией с продуктивными грамматическими маркерами, типа русского возвратного показателя *-ся*. Именно изучение языков с небольшим числом лабильных глаголов может помочь определить лексические ограничения на лабильность.

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Цитадель, 1998 (1880).

2. Лютикова Е.А. Русские лабильные глаголы в типологической перспективе. Материалы к докладу на Ломоносовских чтениях. М., 2002.

3. Недялков В.П., Сильницкий Г.Г. Типология морфологического и лексического каузативов. // Типология каузативных конструкций. Л.: Наука, 1969. С. 20-60.

4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. // М., 1992.

5. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. // М.: Языки славянской культуры, 2004.

6. Розина Р.И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге. // М.: Азбуковник, 2006.

7. Сай С.С. Об одной продуктивной модели каузативации в спонтанной русской речи. // Второй международный конгресс русистов-исследователей. Материалы к докладам. М., 2004.

8. Dowty D. Thematic proto-roles and argument selection. // *Language*, 1991, v. 67, №3. С. 547-619.

9. Haspelmath M. More on the typology of inchoative/causative verb alternations. // Comrie B. and M. Polinsky (ed.). *Causatives and Transitivity*. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins, 1993. С. 87-120.

10. Hopper P., Thompson S. Transitivity in Grammar and Discourse. // *Language*, 1980, vol. 56.2. С. 251-299.